

Нагорный И.А.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород (Россия)

Nagornyy Igor
Belgorod State National Research University
Belgorod (Russia)

*ЭКСПЛИКАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНО-ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В
СЛАВЯНСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ*

FUNCTION EXPLICATION AT MODAL-PRESUMABLY PARTICLES IN SLAVIC SAYINGS

В статье устанавливается статус модальной квалификации как мыслительной операции субъекта, анализируются модально-предположительные частицы в качестве языковых средств репрезентации авторской точки зрения на событие. Определяются основания и статус модальной квалификации в коммуникативном процессе. Иерархируются речевые предположительные смыслы в предложении. Модально-предположительные частицы включаются в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса речевых смыслов, которые прагматически обусловлены, несут важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию. Описание речевых функций помогает установить ранг предположительных частиц как средств развития смысловой перспективы высказывания в процессе коммуникации. Данная функция отражает речевой аспект представления интенции говорящего, направленной на субъективно-модальную квалификацию события. Базовым свойством любого смысла является его информативность, причем информативность речевая, которая вбирает в себя информативность языковую. Данный аспект должен быть, по возможности, ограничен сферой применения смыслов и приведен в систему незамкнутого типа. Последнее является причиной сведения смыслов определенной сферы в смысловые блоки, базирующиеся на возможности смысловой формализации. Модально-предположительные частицы как речевые средства реализации субъективно-авторских модальных смыслов в высказывании являются продуктивным инструментом воздействия на адресата в коммуникативном процессе.

The article establishes the status of modal qualification as a mental operation of the subject, analyzes modal putative particles as linguistic means of representation of the author's point of view on the event. Defined by the base and modal qualification status in the communicative process. Voice suggestive meanings are ierachised in the sentence. Modal putative particles are included in the group of language means for expressing the complex meanings of speech, which are due to pragmatic, are important for the speaker and the addressee communicative information. Description of speech functions helps to establish the rank of the alleged particles as vehicles of meaning perspectives statements in the communication process. This function reflects the speech aspect representation intention of the speaker, aimed at subjective modal qualification events. The basic feature of any sense is it informative, and informative speech, which incorporates informative language. This aspect should be, if possible, to limit the scope and meaning is given to the system of the open type. The latter is the reason for the attention of the meanings defined in the scope of semantic units, based on the ability of semantic formalization. Modal putative particles as a means of implementing speech subjective copyright modal meanings in an utterance is a productive tool for influencing the recipient in the communicative process.

Ключевые слова: модальные частицы, экспликация, проблематическая достоверность, квалификативный смысл, субъект, адресат, коммуникация.

Key words: modal particles, explication, a problematic validity, meaning of qualification, subject, recipient,

communication.

Предположительные частицы *вряд ли, едва ли, будто, точно, словно, как бы, чай, авось, якобы, небось неужели, разве, не то* включаются в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса речевых смыслов, которые, в свою очередь, прагматически обусловлены, несут важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию. Описание экспликационной функции помогает установить ранг предположительных частиц как средств развития смысловой персуазивной перспективы высказывания в процессе коммуникации. Данная функция отражает речевой аспект представления интенции говорящего, направленной на субъективно-модальную квалификацию события.

Облигаторным свойством любого смысла является его информативность, причем информативность речевая, которая вбирает в себя информативность языковую. Данный аспект должен быть, по возможности, ограничен сферой применения смыслов, категориализован и приведен в систему незамкнутого типа. Последнее является причиной сведения смыслов определенной сферы в смысловые блоки, базирующиеся на возможности смысловой формализации.

Один из таких блоков составляют персуазивные смыслы. Последние понимаются как речевая абстракция, базирующаяся на языковой абстракции – понятийной категории персуазивности, в свою очередь основывающейся на понятийном и грамматическом значениях систематизированных языковых единиц.

Рассматриваемые частицы являются средствами, специально предназначенными для экспликации смысла «предположение» (так называемыми «специализированными персуазивными показателями»). Они на знаковом уровне обозначают понятие персуазивации. Последнее представляет собой означаемое, которое в приложении на конкретную денотативную ситуацию служит основой модально-персуазивной квалификации события.

Блок персуазивных смыслов в высказываниях с предположительными частицами представлен двумя группами, включающими соответственно логические и собственно квалификативные («предположение», «сомнение», «избыточность», «эвиденциальность») смыслы. Логическими смыслами являются смыслы «возможность» и «вероятность». К собственно квалификативным смыслам относятся «предположение», «сомнение», «избыточность» и «эвиденциальность». И логические, и квалификативные смыслы в речевом потоке реализуются на базе сигнификативного значения вербализующего их языкового знака – частицы. При этом квалификативные смыслы реализуются на основе логических, охватывая какой-либо из их аспектов.

Смысл «предположение» является ядерным смыслом сферы модально-персуазивной квалификации события. Реализация его в высказываниях с предположительными частицами закономерна, так как именно он осмысливается как семантический центр, вокруг которого группируются другие актуальные квалификативные смыслы. По отношению к базовым логическим смыслам «предположение» является смыслом, актуализированным в высказывании для решения конкретной коммуникативной задачи: *Ужель былое как отрада Мне ныне помнится в тиши? Ужели утолять я рада Хоть этим кубком, полным яда, Все жажды тщетные души!* (К.Павлова); *А другой сон был и того страшнее: стояла она **будто бы** в полдень в жаркой пустой избе, припертая кем-то снаружи, замирала, ждала чего-то* (И.Бунин); *А он думал: **авось** все еще сладится* (В.Иванов).

«Возможность» как базовый логический смысл и «предположение» как актуальный квалификативный смысл при наличии в их семантике ряда общих черт нельзя отождествлять, так как они имеют разную природу и служат для обозначения разной степени достоверности факта. Действительно, предположение исходит из возможности. Но предположение не есть сама возможность. Эти две смысловые сущности различны по своему характеру. Предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется исключительно через «я» индивида, в то время как возможность зависит не столько от субъективного фактора, сколько от условий, существующих вне его в объективной реальности. Возможность раскрывает объективную тенденцию развития события. Это то, что может стать фактом действительности при реализации определенных условий. Она актуализируется как указание на некоторые условия, могущие повлиять на характер отношений между субъектом и предикатом суждения. Данные условия могут быть либо связанными с говорящим, либо не предполагать такой связи.

Соотношение с субъективным фактором, как известно, положено в основу дифференциации объективной и субъективной возможности. Если первая предполагает наличие условий, не имеющих отношения к «я» субъекта, то вторая наиболее тесно связана с предположением, так как зависит от условий, имеющих непосредственное отношение к личностному фактору. Обе эти разновидности реализуются в высказывании, а шире - в тексте, в конкретных проявлениях, так называемых частных значениях (Ср., например, предположение, основанное на объективной возможности (*Узнал он от знакомого в городе, что Кузьма... стал «автором». Да, напечатали **будто бы** целую книжку его стихов и на обороте обозначили: «Склад у автора»*) (И.Бунин)) с предположением, основанным на субъективной возможности (*И мне кажется, вы неправду говорите. Вы тоже ждете. И ожидание чуда - **точно** в крови у всего русского народа*) (А.Куприн); *Авось вам-то и не придется воевать, - с грустью заметил мой собеседник* (“Юность”)).

Предположению присущи свои оригинальные средства выражения: знаменательные части речи с соответствующим значением, функционально-синтаксический способ (например, интеррогативный тип конструкции), просодические средства, модальные слова и частицы со значением недоверности сообщаемого.

По отношению к конкретизирующим квалификативным смыслам «сомнение», «избыточность» и «эвиденциальность» общий квалификативный смысл «предположение» характеризуется как базовый. Концептуальный компонент значения, составляющий его ядро, служит фактором фиксации высказывания на соответствующем отрезке модальной шкалы степеней достоверности в границах смысловой сферы «предположение».

Предположение имеет своим содержанием предварительное суждение о чем-либо, заключающее ту или иную степень уверенности говорящего в сообщаемом, основанную на степени его осведомленности. Здесь, естественно, имеет место градация оттенков. Их диапазон – от высокой степени уверенности до полной неуверенности в сообщаемом. Однако главное, на наш взгляд, состоит в том, что предположительная уверенность никогда не может быть приравнена к констатирующей уверенности в достоверности или недостоверности факта: *– Неужели не любили? – Право, не сумею вам ответить, – замялся старик, поднимаясь с кресла (А.Куприн); А мне показалось, что как будто это не тот голос (Н.Лесков); Мой собеседник, человек рассудительный, вроде решал, как ему дальше вести себя со мной («Новый мир»).* Важным оказывается то, что зачастую говорящий просто не имеет веских аргументов (базирующихся на объективных данных) для констатирующего утверждения или отрицания факта. При этом он часто оперирует только своим собственным мнением, не основанном на знании всех условий, имеющих как непосредственное, так и опосредованное отношение к квалифицируемому событию: *Да он и был почти мальчиком, очень нежным и красивым с виду, но по натуре резким и жестоким, мальчиком как будто самоуверенным, но легко и чуть ли не до слез смущающимся (И.Бунин); Когда я шел в канцелярию ялтинского генерал-губернатора, мне казалось непонятным и странным: неужели о таком пустяке, как проживание в Крыму – нужно еще хлопотать? (А.Аверченко); – Знаешь, Ласточка? – сказала она, – батюшка выдает меня за арапа. Карлица вздохнула глубоко... – Разве нет надежды, – продолжала Наташа, – разве батюшка не сжалятся надо мною? (А.Пушкин); Он из снежной России, но вроде не очень пьяный. Что мне с ним делать, с этим горемыкой? (В.Ерофеев).* Отстраненность от ответственности за фактичность высказанного мнения дает говорящему право предполагать о развитии и конечном результате события: *Лиза: Лечился, говорят, на кислых он водах, Не от болезни чай, от скуки, – повольнее (А.Грибоедов); Мы, видишь ли, народ молодой! Да ведь авось и там-то, в Европе-то, тоже давили немало - монголы всякие (И.Бунин); – Неужели это – результат операции? – Скорее*

всего – нет (В.Головачев); *На вид ему лет двадцать, едва ли больше* (Р.Штильмарк).

Выделение степени уверенности/неуверенности в качестве критерия отграничения смысла «предположение» от других qualificативных смыслов, образующихся на его основе, следует признать ненадежным параметром, так как, с одной стороны, нередко в предположительном высказывании наблюдается как раз высокая степень уверенности (Ср.: – *Что ты хочешь сказать? – Что ж тут объяснять. Небошь помните, как я вас любила* (И.Бунин); *Здорово, друг, здорово, брат, здорово. Рассказывай, чай у тебя готово Собрание важное вестей?* (А.Грибоедов); *“Неужто же, – вскрикивает она, – неужто же мне опять с дитем моим должно расстаться?”* (Н.Лесков); *Считаю, что **чуть ли не** половина списков утеряна* («Версия»)), а с другой стороны, сам факт возникновения актуальных qualificативных смыслов обусловлен не столько степенью авторской уверенности в сообщаемом, сколько причинами прагматического уровня: *Я **едва ли не** менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию* (В.Брюсов) (степень уверенности связывается с авторской компетентностью); *У вас, **чай**, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А.Островский) (степень уверенности основана на общественном мнении); *Эта лента столь широко обсуждалась профессионалами, зрителями и прессой, что **вряд ли** стоило бы к ней возвращаться, если бы повода не дал сам кинематограф* («Мир новостей») (степень уверенности обусловлена известностью факта). В более широком аспекте все это подводит к мысли о том, что модально-персуазивная квалификация события лишь косвенным образом связана с уверенностью/неуверенностью, но отнюдь не является вытекающей только из нее.

Выделение смысла «предположение» ориентирует на учет комплекса как собственно лингвистических, так и суперлингвистических факторов. Особое положение при этом отводится интонационным и контекстуальным показателям. В этом аспекте предположительные частицы характеризуются как формальные средства, отражающие только начальный стимул для актуализации qualificативного смысла, который далее уточняется и конкретизируется подключением средств других уровней: *Родька дерзко усмехнулся в ответ и спокойно пошел в избу собирать свое добро. Молодая послушала отказ тоже **как будто** спокойно, – она, разойдясь с Тихоном Ильичем, опять взяла манеру бесстрастно молчать, не глядеть ему в глаза. Но через полчаса, уже собравшись, Родька пришел вместе с ней просить прощения. Молодая стояла на пороге, бледная, с опухшими от слез веками, и молчала* (И.Бунин); *-А приходили ко мне от покойницы Трюхиной? – Покойницы? Да **разве** она умерла? – Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать ее похороны? -Что ты, батюшка, не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у тя не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца, воротился пьян,*

завалился в постелю да и спал до сего часа... -Ой ли! – сказал обрадованный гробовщик (А.Пушкин). Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного смысла «предположение», фиксируемого только частицей (Ср.: *Все-таки когда-нибудь счастливой разве ты со мною не была?* (А.Блок) (сомнение, осложненное желательностью); *Скептики на это замечали, мол, как бы не случилось непоправимого* (Е.Носов) (предположение, осложненное опасением)).

Кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавный переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного высказывания. Однако там, где это возможно, конечно же, следует производить дифференциацию базовых и надстроечных смыслов. Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить степень обоснованности собственного мнения, на которую ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания. Указанный критерий опирается на логические параметры категорий возможности и вероятности.

В пределах рассматриваемого кваликативного смысла фактор обоснованности тоже имеет место. Предположение в этом аспекте можно условно разделить на две разновидности:

1. **Необоснованное предположение.** Проявляется спонтанно, в основном в активном диалоге. Данное предположение – незакономерное, случайное, основывающееся в большей мере не на объективных данных, а на спонтанной реакции говорящего, желании расширить объем информативного материала, актуализировать те или иные аспекты речевой ситуации и т.п.: – *Ну, теперь еще две зорьки осталось... Авось, бог даст, полегчает маленько* (И.Бунин); – *Вы слышали новость, Корейко, – спросил вошедшего Лепидус-младший. - Неужели не слышали? Ну? Вы будете поражены* (И.Ильф, Е.Петров); – *Кто же напугал мирных травоядных? – спросил Капитанов. – Уж не пещерный ли медведь?* (В.Обручев).

Экспликация необоснованного предположения не означает, что путь развития ситуации будет повторен в иное время и при иных обстоятельствах, как и не означает того, что такое же предположение может быть сделано в схожих обстоятельствах другим субъектом. Для необоснованного предположения характерно отсутствие контекстно-речевого указания на его обоснованность, предполагающую обусловленность: *Раз Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слезы вдруг сделали ее страшно родною ему, пронзили его чувством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней* (И.Бунин); *Неужель я виноват Тем, что из-за взгляда Твоего я был бы рад Вынести муки ада?* (А.Григорьев)

2. **Обоснованное предположение,** напротив, проявляется тогда, когда говорящий при его актуализации опирается не только на субъективные факторы, но и на частичное знание

объективных условий. Последнее определяет такую степень осведомленности, которая, с одной стороны, позволяет говорящему при предположении опереться на нее, а с другой стороны, не является причиной, определившей знание условий в той мере, которая может стать основанием констатирующей уверенности в сообщаемом: – *Это, брат, хорошо. Летом-то **небось** вашему брату легче... – Да оно **как будто** послободнее. – Зимой холодно ведь, **чай**? – Да, холодно* (А.Аверченко); – *Будто на танцы его везу, а не в трибунал. Свихнулся, **что ли**? Вот было бы хорошо! Комиссовали бы – и с плеч долой* (А.Ким); – *И выросла **небось**? Евгенья Семеновна рассмеялась и отвечает: – Разумеется, выросла* (Н.Лесков). Обоснованное предположение обусловлено обстоятельствами внешнего характера. Оно базируется на частичном владении объективной информацией, которая является достаточной для того, чтобы предположение выглядело вполне аргументированным, но в то же время недостаточной для того, чтобы превратиться в констатирующую характеристику события.

В тексте характерными признаками обоснованного предположения являются контекстно-речевые показатели его обусловленности: *Он не сводил глаз с крыльца, - и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже **будто бы** требовал какой-то старинный обычай...* (И.Бунин); – *Еще полевел! -Опять **небось** газету читал, - вскочила жена. – Говори! Читал?* (А.Аверченко); – *Почему? – раздраженно спросил новый пассажир. – Потому что они (манжеты) у вас совершенно черные. Не от грязи **ли**? – Вы жалкий, ничтожный человек! – быстро заявил Паниковский* (И.Ильф, Е.Петров); *Ихитиозавр, **что ли**? – спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии* (В.Обручев); – *Не думаю. Хотя если хозяин подстать своему логову... Думать о приятном отдыхе **вряд ли** придется* (В.Назаров); *Живя в отдаленном лесу, Лев едва ли знает, какая беда постигла его друзей* (А.Волков).

Подведем итог сказанному. Описание экспликационной функции модально-предположительных частиц в речи подтверждает гипотезу о том, что персуазивные смыслы, в частности являвшийся предметом нашего внимания смысл «предположение», не являются статичными образованиями, в процессе коммуникации характеризуются как динамичная, развивающаяся система, отвечающая требованиям речевого процесса и предназначенная для решения поставленной перед говорящим коммуникативной задачи. Тем не менее, фактор необходимой иерархизации смыслов, их упорядочивания и систематизации при исследовании заявленного аспекта проблемы, несомненно, должен иметь место. Описание блока персуазивных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область текстового информационного пространства, в перспективе представляется актуальным.

Список литературы

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. М.: Наука, 1975. 720 с.

Нагорный И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц / И.А. Нагорный. Барнаул: Издательство БГПУ, 2000. 310 с.

Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис / Шмелева Т.В. Красноярск: Изд. КГУ, 1988. 54 с.